

Г Е Н Р И У И Л Ъ Я М С О Н

*ВЫДРА
ПО ИМЕНИ ТАРКА*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Генри Уильямсон
Выдра по имени Тарка.
Её радостная жизнь и её
смерть в долине Двух Рек
Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73958157

Выдра по имени Тарка:

ISBN 978-5-17-182655-0

Аннотация

Это трогательная история жизни выдры по имени Тарка в долине Двух Рек. Под присмотром матери Тарка и его сестры готовятся к самостоятельной жизни: они учатся плавать, добывать пищу и распознавать опасности. Но детство быстро заканчивается... Теперь ему предстоит в одиночку исследовать окрестности, чтобы пережить суровую зиму. Однако существует еще большая угроза: местные охотники с собаками ведут постоянную охоту...

«Выдра по имени Тарка» – не просто история о жизни одного животного. Это удивительный мир дикой природы глазами ее обитателей, это история о выживании, дружбе и красоте мира...

Содержание

Год первый	5
1	5
2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Генри Уильямсон

Выдра по имени Тарка

*Памяти Уильяма Генри Роджерса,
эсквайра, бывшего наставника в Итоне
и ловчего Черитонской охоты*

Henry Williamson

TARCA THE OTTER

His Joyful Water Life and Death in the Country of the Two
Rivers

© Henry Williamson, 1927

© Перевод. Г. Островская, наследники, 2026

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Год первый

1

Сумерки над лугами и водами, мерцание вечерней звезды за холмом, «кра-аррк» Старого Нога – цапли, влекомой темно-серыми крыльями к устью реки. Белое расплывчатое пятно над сухим тростником вдоль берега – сова-сипуха; она только что вылетела из-под среднего пролета каменного моста, там, где некогда была протока.

Ниже Протокового моста на подмытом берегу росло двенадцать больших деревьев. Когда-то их было тринадцать – одиннадцать дубов и два ясеня, – но дубу, за которым восходит Полярная звезда, не везло с рождения, с того самого дня, как из набухшего черного желудя, занесенного на берег паводком более трехсот лет назад, проклюнулся светло-зеленый крючок. На втором году жизни проросток попал под копыто вола, раздавившего два ржаво-красных листочка, и молодой дубок стал расти вкривь. Расщелина на разветвлении принимала в себя дожди в течение двух веков, пока вода, скованная морозом в ледяной клин, не расколола ствол; непогоды последующего столетия выдолбили в стволе дупло, а разливы каждую весну вымывали из-под дуба землю и камни. И вот однажды дождливой ночью, когда лосось и кумжа

поднимались от моря навстречу бурному коричневому потоку, дерево вдруг застонало. Стоны раскачивающегося ствола эхом отозвались в корнях; полевки в страхе покинули свои подземные жилища. Дерево противостояло ударам ветра до самого рассвета, но, когда на земле наступило наконец затишье, оно издало громкий крик, спугнувший сову с насиженного места, и с первым лучом солнца упало в реку.

Потом вода отступила, плавник, застрявший на ветках, отметил верхнюю границу половодья. Река медленно текла через заводь, отсвечивая под чистым зеленым небом. У дальнего конца заводи она огромной, с брызгами звезд на когтях, лапой охватывала небольшой остров, где росла одинокая плакучая ива. На подходах к острову течение незаметно убыстрялось, волны с ропотом били о камни, стремительными струйками накатывались на мели. Миновав остров, река неслась сверкающим потоком меж заросших ольшанником и ивняком берегов. За излучиной она еще ускоряла свой бег, мелодично журча на перекатах из нагроможденных паводком камней, и наконец, утратив веселый нрав, погружалась в глухое молчание соленых глубин моря. Топкие в низовьях берега были прорезаны дренажными канавами. Каждые двенадцать часов море подходило к рукаву чуть ниже Полупенсового моста – миг лёта для Старого Нога, – а сизигийные приливы облизывали откосы до самой излучины. Вода тут же уходила вспять, ибо море здесь не знает покоя.

Упавшее дерево чернело в тускло мерцающей Лососьей

заводи. Над лугами бесшумно поднимался туман, белый, точно пушистая бахрома на совиных крыльях. С тех пор как стерлись последние тени, он полз сюда из леса за мельничной протокой, донося своим дыханием ароматы дня, когда пролеска и первоцвет сгибались под тяжестью пчел. Теперь пчелы спали, лишь мыши шныряли среди цветов. Туман стлался над прошлогодней листвой – бесшумный и светлый дух вод, издревле наполнявших широкое некогда речное русло; говорят, что в стародавние времена морские приливы покрывали всю эту низину и римские галеры подходили к самым холмам.

По стенкам выемки, оставшейся на берегу, к ломаным корням дуба текли струйки земли. Это трудились полевки: чистили ходы, рыли новые шахты и штольни, отгрызая мешавшие корешки. Их услышала выдра, свернувшаяся клубком в сухой верхней части дупла, и, встряхнувшись, встала на короткие ноги. Через проделанную дятлом дыру высоко над головой она видела чуть различимые светлые точки – созвездие Большого Пса. Выдра была голодна. Она лежала в дупле с полудня, изредка судорожно подрагивая во сне.

Сова опустилась на торчащий вверх сук, когти ее царапнули по коре. Выдра выглянула наружу, и сова, ушные отверстия которой были не меньше кошачьих, услышала легкое прикосновение ее усов к стенке дупла. Однако прислушивалась сова к другому – шороху листьев под лапками мышей. Уловив эти едва различимые звуки, она до тех пор всматри-

валась, пока не заметила движенья; тогда с пронзительным и зловещим криком, от которого мышь в страхе припала к земле, сова ринулась вниз и схватила свою добычу. Выдра лишь мельком взглянула на сову: все ее пять чувств были направлены на то, чтобы обнаружить врага.

Она замерла на месте. Шерсть на спине поднялась дыбом. Длинный хвост напрягся. Двигался лишь нос, впитывая запахи, принесенные туманом из леса. К аромату цветов, тоже неприятному для нее, примешивался дух, заставивший ее мгновенно насторожиться. Сердце учащенно забилося – она была готова бежать или сражаться, если не будет иного выхода. Ни для одной выдры из тех, что кочевали, охотились и играли в долине Двух Рек, не было более страшного запаха, чем этот – запах Капкана, огромной пятнистой гончей с залиvistым ревом, вожака стаи, загнавшего десятки выдр, о чем говорили зарубки, сделанные не на одном охотничьем коле.

Нашу выдру гнали нынче утром. Когда она перебежала перекат, Капкан схватил ее зубами за голову, оставив длинные борозды на шерсти. Ловчий велел отогнать собак, увидев, что выдра беременна, и она уплыла вниз по течению и спряталась в дупле оmyваемого рекой ствола.

Туман унесло к морю. Удары ее сердца замедлились: она быстро успокаивалась. Выдра погрузила голову и плечи в воду, задержала дыхание и замерла, прижав для устойчивости длинный, толстый, заостренный хвост к шершавой коре. Она

выслеживала рыбу. Даже полевки, вновь выглянувшие из норок, не услышали, как выдра скользнула в воду.

Ее темный силуэт возник вверху перевернутого конуса света и был замечен форелью, которая стояла, шевеля плавниками и хвостом, позади затонувшей ветки. Спускаясь к каменистому дну, выдра углядела блеск чешуи, когда рыба уходила зигзагом к себе в пещерку. Выдра была в шести футах под поверхностью; на этой глубине ее глаза, не выступавшие над короткой шерстью, улавливали малейшее движение в воде, пронизанной звездным светом. Она различала предметы на расстоянии, равном четырем длинам ее тела, но за этими пределами все скрывалось во мраке, так как водное зеркало отражало изнутри темное ложе реки. Выдра плыла вслед за форелью над водорослями, обыскивая каждый валун. Она хорошо ориентировалась в Лососьей заводи. В подводной охоте ее острый нюх был бесполезен, ведь дышать она там не могла.

Выдра заглядывала за камни, всматривалась в каждую выемку на берегу. Она плыла не спеша, медленно и спокойно отталкиваясь от воды крепкими задними лапами с плавательными перепонками между пальцев, используя хвост в качестве руля, когда ей требовалось подняться, опуститься или повернуть в сторону. Она нашла рыбу под корнем ясеня; когда та, пытаясь скрыться, метнулась у нее над головой, выдра отпрянула назад и вбок и схватила рыбу зубами. В бухточке на берегу, истоптанном копытами скота, прихо-

дящего сюда на водопой, она с хрустом сожрала свою добычу, придерживая ее передними лапами и наклонив голову набок. Она съела рыбу до самого хвоста, бросила его на лепешку грязи, упавшей с коровьего копыта, и только принялась пить, как из-под Протокового моста до нее долетел призывный свист. Тонкий, резкий, звучный, он разносился далеко вокруг. Выдра радостно отозвалась – ведь звал самец, с которым она спарилась два месяца назад. Он последовал за ней от запруды, привлеченный запахом в ее отпечатках на промоинах и на выдриной тропе, которая пересекала заливной луг между двумя излучинами. Самец плыл под водой, виден был только нос, разрезавший гладь реки, спокойной в эту безветренную ночь.

Но вот прямая струя закрутилась воронкой. Стоявшая на берегу выдриха услышала, как ноздри с шипеньем втянули воздух, и нос скрылся. Она тут же скользнула в воду, не подняв ни малейшей зыби. Самец учуял рыбу.

На поверхности заводи стали всплывать пузырьки; две серебряные цепочки разматывались звено за звеном вверх по реке. В двадцати ярдах от воронки, где все еще кружились меж темных ветвей созвездья, показалась плоская голова с тупой мордой и свирепо торчащими усами и снова скрылась – выдра перевернулась так плавно, что лишь чуть-чуть всколыхнула концы воздушных цепей. Для вдоха понадобилось всего полсекунды.

Пузырьки, каждый величиной с плод боярышника, выхо-

дя из ноздрей, пробегали по морде и шее и гроздьями поднимались вверх – самец плыл, прижав к груди передние ноги. Поближе к мосту пузыри стали с чернильный орешек – самец заметил рыбу и пустил в ход все четыре перепончатые лапы. Дорожка опять закончилась воронкой у окаймленных водорослями каменных устоев моста, а между быками среднего пролета стремительно пронеслась легкая водяная стрела: проходная кумжа, эта морская форель, ушла на глубину всего в трех дюймах от сомкнувшихся челюстей выдры.

На реке снова наступила тишина, лишь журчала вода среди камней и корневищ. Старый Ног спустился на землю возле дренажной канавы позади дамбы, двумя милями ниже Полупенсового моста. У скирды сена сова только что поймала вторую полевку и проглотила ее целиком, как и первую, пойманную пятью минутами раньше.

Там, где в дальнем конце заводи река цепкой лапой обнимала валуны, кумжа вынырнула из воды, спасаясь от своего злейшего врага. Она упала боком на плоские камни, дернулась разок всем телом и застыла – лишь поднимались и опали жабры. В тот же миг выдра-самец был рядом. Подняв нос, он втягивал ноздрями воздух; от реки несло тонкое, прерывистое, сердитое «гиррк-гиррк-гиррк» – угроза самки. Она подбежала к рыбе, выхватила ее у самца и принялась есть.

Пока она ела, разрывая мясо и с хрустом разгрызая кости, самец играл камешком; только когда самка отвернулась от

объединенной рыбы, он подошел к ней с приветственным «так-а-так» и лизнул в морду. Ее узкая нижняя челюсть опустилась в широком зевке, открыв белые острые «собачьи» зубы, загнутые назад, чтобы удобнее было удерживать рыбу. Зевок означал, что она довольна. Плывая сюда, самец уже успел поймать и съесть кумжу и теперь был готов поиграть, но самка не последовала за ним в воду. Она почувствовала толчки в животе и повернула прочь от реки.

Выдриха миновала место, куда приходил на водопой скот, пересекла ивняк и, выбежав на луг, стала искать сухую траву и мох под боярышником у мельничной протоки и овечью шерсть, застрявшую на колючках разросшейся куманики. Вскоре она набрала полную пасть и вернулась к реке. Отталкиваясь одними задними лапами, поплыла к упавшему дубу, забралась на выступ коры под дуплом и заползла внутрь. В двух ярдах от входа разбросала свою ношу по древесной трухе и вновь поплыла, теперь за сухим темно-серым прошлогодним тростником; она откусывала стебель за стеблем, то и дело останавливаясь и сторожко прислушиваясь. После трех-четырех рейсов нырнула под воду и принялась плавать взад и вперед вдоль берега в поисках форели; хлопая хвостом, выгнала из-под камней несколько гольцов, притаившихся на мелководе. Время от времени выдриха отвечала на свист самца, но она так торопилась устроить гнездо, что перестала охотиться, хотя все еще была голодна, и побежала через пойму к пруду, где рос широколистный рогоз. По

пути она неожиданно вспугнула крольчонка, убила его двумя укусами за ухом и съела, от нетерпения раздирая на куски. Позднее, ночью, неуклюжий барсук в поисках червяков и улиток нашел голову крольчонка, лапки и шкурку и сжевал их до конца.

Луна поднялась за два часа до рассвета; светлая рябь на воде обрадовала выдриху – ведь она была молода, – и, позвав самца нежным, как звук флейты, свистом, она поплыла против течения к высокому арочному мосту и спряталась среди веток и прутьев, нанесенных половодьем на нос каменного волнолома. Здесь самец ее и нашел, но, пока он карабкался вверх, самка нырнула и поспешила под пролетом к нижнему концу волнолома; она встретила с самцом морда к морде в лабиринте воздушных пузырьков и тут же повернула обратно. Они играли так с полчаса, переворачиваясь на спину боковым махом хвоста и ни разу не коснувшись друг друга, хотя в своем круговом танце каждый раз чуть не сталкивались носами. Это была старая-престарая игра, она доставляла им наслаждение, но вызвала голод, поэтому они отправились на охоту за лягушками и угрями в дренажную канаву на заливном лугу.

Здесь они потревожили Старого Нога, который обозревал одно из своих многочисленных рыбных угодий, разбросанных по долине. «Крак!» Хлопая крыльями, он взлетел перед ними, бороздя воду длинными, тонкими зелеными пальцами. Выдры охотились в канаве, пока луна не стала совсем

прозрачной, затем вернулись к реке. Поиграли еще немного, но в лесу мягкими, низкими, гортанными голосами уже начали переговариваться галки, выискивая в перьях паразитов. Запел жаворонок. Самец свернул на восток и побежал по выдриной тропе, проторенной задолго до того, как у острова Плакучей ивы сделали запруду для мельницы. Его нора была на берегу мельничного пруда.

Выдриха, лениво распластавшись всем телом, отдалась течению, и оно понесло ее над отмелями и покрытыми рябью плесами к убежищу Дуплистого дуба. В то время как она, забравшись в гнездо, вылизывала себя, в дальней деревне запели петухи. Умывшись, выдра уютилась поудобнее, свернулась, положила морду на хвост и уснула.

Восходящее солнце посеребрило туман, окутавший луг густой пеленой, над которой виднелись лишь спины и головы коров и волов. Проплыла сова, широко раскинув мягкие крылья. Сова парила над туманом, сама легкая, как туман; солнце высвечивало белоснежные перья на груди и под крыльями, зажигало золотом желто-серую спинку. Она подлетела под средний пролет моста и, зацепившись когтями, втиснулась в одну из ниш, оставленных в каменной кладке. Весь день она простояла среди мышиних костей, часто помаргивая глазами, порой зевая. В сумерки сова отправилась вниз по течению на правый берег реки и, усевшись на той же самой ветке упавшего дуба, защелкала клювом, подзывая своего дружка, дневавшего в амбаре неподалеку от деревни.

Сова вновь улетела, крылья спокойными взмахами несли ее вниз, в поля, на гибель мышам; но выдра так и не покинула дупла. Инстинкты, служившие ей до сих пор, были приглушены странным, глубоко затаенным чувством, тлеющим у нее в глазах. Она лежала на боку, время от времени все ее тело пронизывала боль. Ей было страшно. Песня реки, бегущей мимо островка Плакучей ивы, прокралась в убежище и успокоила ее; тихий свист самца за мостом был ей поддержкой и ободрением.

Когда тусклый свет луны, истощенной, как перезимовавшая птица, просочился сквозь облака, повторявшийся раз за разом зов самца замолк. Но выдре было все равно, она больше не нуждалась в поддержке. Она прислушивалась к другим звукам – слабому мяукающему писку, и стоило ей его услышать, как она поворачивала шею и нежно облизывала языком головку, которая была меньше, чем ее лапа.

Весь следующий день и ночь и еще один день выдра лежала, свернувшись в клубок, обогревая своим теплом трех слепых выдрят, но под вечер, когда над холмами еще не погасло зарево заката, она скользнула в воду и стала рыскать вдоль берега, поглядывая вверх то налево, то направо, то вновь налево. Что-то блеснуло в темноте! Спина выдры выгнулась горбом, она поджала под себя задние лапы и, оттолкнувшись, рванулась вперед; над спиной извилистыми струйками потекли большие воздушные пузыри – она двигалась лишь чуть-чуть медленнее, чем в прошлый раз, когда гна-

лась за форелью. Хвост, всего на треть короче тела, более двух дюймов в толщину у основания, помогал ей поворачиваться так быстро, что она с легкостью схватила рыбу, мелькнувшую над головой.

На мелководе выдра жадно принялась есть, заглатывая едва прожеванные куски и угрожающе «гирркая» на тени. Чуть утолив жажду несколькими торопливыми глотками, тут же опять нырнула в воду, поймала угря, сожрала все, кроме головы, и вернулась в убежище. Но она все еще была голодна и опять оставила детенышей. Взбежав на берег, поднялась на задние ноги и встала торчком, лоя носом воздух. Из леса доносилось пронзительное стрекотанье черных дроздов, бранивших молодых неясителей, которые еще не умели ухать. Выдра опустила на передние лапы и снова побежала к реке. Волоча по песчаной промоине тяжелый хвост, с разбега бесшумно погрузилась в воду.

Первым и самым крупным детенышем в помете был выдренок-самец; когда он сделал свой первый вдох, он был меньше пяти дюймов длиной от носа до того места, где начинался его малюсенький хвостик. Шерстка, серая и пушистая, напоминала нераспустившиеся сережки вербы. Его звали Тарка – это имя дали выдрам много лет назад жители здешних мест, обитавшие на болотах в конусовидных хижинах. «Тарка» – значит «Маленький Водяной Кочевник» или «Кочующий, Подобно Воде».

Когда Тарка был голоден, он, как и две его сестры, начи-

нал пищу, прижимаясь к теплому телу матери, а та, почувствовав, что крошечные лапки шарят по шерсти и крошечные носики, сопя, тычутся ей в живот, распластывалась во всю длину и поднимала вверх лапу. Мать следила, чтобы выдрята были чистые, и много раз за день переворачивалась на спину и, вытянув голову и перестав «мурлыкать», вылизывала их, беспомощных в своей слепоте. Порой ее короткие уши настораживались, она вскакивала, рыжевато-коричневые глаза загорались яростью, жесткая шерсть на загривке вставала дыбом: она слышала звуки, предвещавшие опасность. Днем самец был далеко, он спал в норе у запруды, но ночью его свист изгонял ярость из ее глаз, и она вновь ложилась, удовлетворенно вздыхая, в то время как детеныши, отпихивая друг друга, вместе с молоком впитывали в себя жизнь.

Это был ее первый помёт, и она была счастлива, когда веки Тарки наконец расклеились и блуждающий взгляд его водянисто-голубых глаз остановился на ней. Ему исполнился месяц. До рождения выдрят мир матери-выдры был пустыней, теперь он сосредоточился в глазах ее первенца. На следующий день, осмотрев все, что было кругом, выдренок начал играть: хлопал мать лапой по носу и покусывал ей усы. Он обижал сестер, делаясь все сильнее и здоровей, глаза его потемнели, и он еще усердней сражался с материнскими усами, щекотавшими его, когда она его мыла, держа передними лапами. Однажды, допьяна насосавшись молока, он впервые

зарычал на нее, чтобы она перестала вылизывать ему животик, и так разъярился, когда она не испугалась, что попытался откусить ей голову. Выдриха открыла рот и «захахакала» – часто и прерывисто задышала; так выдры смеются. Тарка, отбиваясь, лягал ее, а она делала вид, что намерена перегрызть его пополам. Выдренок не испугался: он царапал ей морду, стараясь вырваться на волю. Мать осторожно отпустила его, и он тут же, еще нетвердо стоя на ногах, вновь пошел штурмом на ее голову, но так нарычался, что его стошнило и, когда она привела его в порядок, он уснул у нее на шее.

Через две недели Тарка совсем осмелел – отползал от матери на целый шаг и не возвращался, хотя она встревоженным «мяуканьем» призывала его к себе. Выдра боялась дневного света, который просачивался в нору через вход, но Тарке страх был неведом. Ему нравилось смотреть на пляску веснянок под солнцем над подернутой рябью рекой. Как-то утром, жмурясь от яркого блеска, Тарка увидел, как на ветку над дуплом села птичка чуть крупней воробья. Но оперенье!.. Видно, сам Птичий Бог расцветил ее красками, похищенными у скал, листьев, папоротника и неба, сделав их еще сочнее в своем рвении, ибо лапки птицы были розовее прожилок в горных расселинах Дартмура, крылья – зеленее лопнувших почек боярышника, шея и головка – голубее полуденного осеннего неба, охристо-рыжая грудка – ярче, чем орляк. Ее черный клюв лишь немного уступал по длине телу. Это был Алцион, зимородок-рыболов. Никогда еще его на-

ряд не блистал таким великолепием – ведь его подруга только-только снесла семь белых глянцевитых яичек в гнезде в глубине норки, вырытой на обрывистом берегу.

Зимородок глянул блестящим коричневым глазом на Тарку, и тому очень захотелось с ним поиграть. Ветер взбурлил изумрудные перья, Алцион припал к ветке, вглядываясь в воду. Тарка запищал, приглашая его поближе. В ответ птица издала резкий, внезапный свист и полетела вверх по реке, а Тарка, сморщив носик, изумленно шурился на пустую ветку, не в силах понять, куда пропал его гость.

Выдренок вернулся к матери, поиграл с ней в «кусачки» и заснул. Проснувшись, он увидел, что одна из сестер чем-то забавляется, и тут же захотел взять это себе. Повернув голову набок, она хлопала по чему-то лапой, но так как «оно» не убегало, она хлопала его второй лапой, склонив шею на другой бок. Тарка осторожно пополз к сестре, намереваясь отобрать игрушку, и тут заметил, что «оно» на него смотрит. Это испугало выдренка, и он зашипел. Сестра отскочила назад и тоже зашипела; шум разбудил самую маленькую из выдрят, и она фыркнула на мать. Та облизала ей мордочку, зевнула и закрыла глаза.

Тарка вновь стал крадучись приближаться к тому, что глядело на него. Понюхал и отполз прочь. Опять подкрался ближе, но сестренка зашипела, и Тарка вернулся к матери. Когда в следующий раз он приблизился к тому, что его так напугало, оно выглядело совсем по-иному; Тарка смело ткнулся

в него носом и двинул лапой. Это был всего-навсего череп полевки, и теперь, когда померк свет, падавший сверху из проделанной дятлом дыры, тени в пустых глазницах исчезли, и он больше не «смотрел» на Тарку. Выдренок принялся катать череп; внутри него загремели зубы. Этот звук понравился Тарке. Он играл черепом, пока не услышал, как одна из сестер пищит от голода, и поспешил к матери.

Однажды вечером, когда выдрята остались одни и Тарка играл своей погремушкой, он увидел живую полевку, проникшую в дупло через отверстие у корней. Почуввав выдру, полевка в страхе бросилась бежать по пустому внутри стволу; «туннель» был так широк, что Тарка без труда пополз за ней вслед. Путь кончился у вывороченных корней, на которых все еще держались остатки вскормившей их земли. Оттуда тянулись к солнцу молодые побеги – гибель дуба обернулась благом для семян полевой горчицы, которые лежали погребенные в холодной земле задолго до того, как пророс желудь.

Полевки с писком заметались среди корней, спеша укрыться в норках, ибо отважный исследователь выдриного дома поднял тревогу, крича, что за ним гонится огромная ласка. Тарка не знал, что его запах вселил в них страх; по правде сказать, он вообще не знал, что такое полевка. Он заметил движенье, и это привлекло его, потому что он всегда был готов поиграть, а игра означала для него движение. Писк прекратился.

Стало тихо, и тут Тарка услышал, впервые в жизни, древнюю песнь реки, которую выводили звонкие струйки, бежавшие меж камней. Он хотел подобраться поближе к этим звукам и пополз вдоль корневища, а когда достиг середины, увидел с обеих сторон пустоту. Он был один. Тарка попробовал повернуть обратно, но задняя лапка соскользнула, и он повис поперек корня, не в силах двинуться ни назад, ни вперед. Он заверещал, зовя мать на помощь, но она не появилась. Тарка стал зябнуть, писк его звучал все жалобнее.

Пять минут спустя воду под каменным мостом прорезала острая как стрела струя; ее расходящийся углом след достигал берегов прежде, чем его слизывало течением. Струя шла вверх. Это возвращалась домой выдра-мать. За те тревожные полчаса, на которые она покинула молодых, ей удалось поймать и съесть двух угрей и шесть небольших форелей. Напротив поваленного дуба выдра пересекла реку и стремительным движением вскинула над водой голову и плечи. Она присматривалась, принималась, прислушивалась. Не успели сбегавшие по усам капли шлепнуться вниз, как выдра нырнула; тело ее складывалось чуть не вдвое – с такой силой она отталкивалась всеми четырьмя лапами. Затем капли стали падать у самого убежища.

Выдриха услышала крики Тарки, и страх удвоил ее скорость. Звезды все еще плясали на поднятой ее носом волне, а она была уже у вымоины возле корней дуба. Тарка дрожал от холода. Сотни сердец под рыжими шубками учащенно за-

бились, когда послышалось укоряющее ворчанье. Взяв сына за загривок, выдра понесла его на берег. Она плыла, высоко задрав голову, стараясь не замочить выдренка. Позднее, лежа в теплом гнезде, она позабыла свой страх и закрыла глаза, наслаждаясь близостью детенышей.

На следующую ночь Тарка вновь взобрался на корень и точно так же повис. Он пытался ползти обратно, когда над ним склонился какой-то зверь с незнакомым Тарке запахом, орошая его каплями, падавшими с усов. Выдренок зашипел на него и продолжал шипеть, в то время как мать, щелкая зубами, прогоняла незнакомца. Затем Тарка почувствовал, что она больно хватает его за шкурку и поднимает вверх. Держа в пасти беспомощно болтающегося выдренка, самка грозно «гиркала» на самца, который проплыл за ней из любопытства до самого дуба. На следующую ночь самец попытался заглянуть в дупло, но выдриха оттащила его за хвост и сделала вид, что хочет потопить. Самец счел это неплохой забавой, и они, дразня и заигрывая, гонялись друг за другом по воде и под водой до самого островка Плакучей ивы; там самка покинула самца, вспомнив о Тарке.

2

В середине мая на упавшем дубе начали с надеждой раскрываться почки, проклюнулись красновато-коричневые листки. У входа в свой дом-норку на ветке ольхи сидели семь зимородков-слетков, поджидая, не появится ли голец, или жук, или рачок, или «стеклянный угорь» – эльвер, или молодая форель, а ветер перебирал их мягкие перья. После заката семь длинных клювиков укладывались на плечо, лишь порой поднимаясь, когда раздавался свист более громкий и пронзительный, чем свист родителей; но ночь предназначалась для других охотников.

Пока стояла полная, яркая луна, выдры охотились за рыбой, которая укрывалась в Кряквиной заводи ниже Полупенсового моста, – окунями, кефалью и камбалой. Выдряттам уже минуло два месяца, и они научились протискиваться сквозь отверстие, ведущее из дупла к корням, и пробегать на заросший травой берег. Однажды ночью, когда выдрята играли у подножия ясеня в «кучу-малу», они слышали материнский свист. Он не был таким пронзительным, как свист самца, зовущего подругу, скорее напоминал писк стекла под мокрым пальцем. Тарка сразу перестал кусать за хвост младшую сестренку, а третий выдренок бросил грызть его шею. Со всех ног они промчались по корню к стволу и скрылись в дупле. Мать ждала их с форелью в пасти. Тарка понюхал

рыбу, когда мать разрывала ее на части, и отвернулся – запах показался ему неприятным. Выдрыята, отпихивая друг друга, потянулись к сосцам, самка легла и принялась кормить их, пока не устала. Тогда она стряхнула их с себя и уплыла вверх по реке с самцом, пришедшим сюда вместе с ней.

Вернувшись, выдриха принесла двух лягушек с ободранной кожей, пойманных в болотистом, поросшем тростником русле старой протоки. Она уронила их в гнездо и скользнула обратно в воду, не обращая внимания на писк детенышей. Тарка лизнул лягушку, и ему понравился ее вкус; он оскалил свои молочные зубы, не подпуская сестер, но сам есть лягушку не стал. Выдрыята играли, рыча и катаясь, пока не вернулась мать; они тут же подбежали к ней. Выдра принесла угря и перекусывала его теперь на кусочки – от хвоста до парных плавников у головы. Тарка заглотал несколько кусков, потом облизал мордочки сестер, так вкусно они пахли, и вылизал свои лапки. Он мылся – впервые в жизни.

Новая пища сразу изменила характер выдрят. Они стали быстрыми и свирепыми. Часто их возня на берегу прекращалась лишь тогда, когда раздавался крик ночной птицы или далекий лай пастушьего пса. Они вздрагивали всякий раз, как вздрагивала мать. Они познали страх. Порой на закате, когда мать покидала дом и отправлялась охотиться вверх по течению, они выбегали из убежища и верещали, зазывая ее домой. Она возвращалась и прогоняла их обратно. Движения выдры утратили былую плавность; теперь, выходя с

детенышами на луг, она то замирала в нерешительности на месте, то металась судорожно взад-вперед. Она часто становилась торчком и прислушивалась, повернув нос к деревне. Время от времени по Протоковому мосту к дому возле плотины проходили и проезжали люди, и стоило выдре услышать голоса, как она переставала охотиться и спускалась по реке, чтобы быть рядом с детьми. Человечьи голоса пугали ее, но на грохот поездов в долине и проносящиеся огни автомобилей на шоссе за железной дорогой выдра не обращала внимания; она привыкла к ним и знала, что они не причиняют вреда.

Раскрылись почки ясеня, так долго запертые в своей оболочке, напоминающей коровье копыто, выпустили зеленовато-коричневые побеги. Всю ночь напролет куковали кукушки. Среди зеленых сочных стеблей недотроги цыкали камышовые овсянки. Вскоре на юге низкого ночного неба загорится тускло-красный Антарес.

Однажды теплым вечером, когда вода в реке спала, выдриха подплыла к дубу, позвала детей и, хотя они были очень голодны, не забралась в убежище, а ожидала их с рыбой в пасти под деревом. Выдрята скулили, выглядывая из дупла и двигая головками из стороны в сторону; весь их вид говорил о том, что внизу страшно. Выдра перевернулась на спину, выпустила поблескивающую чешуей рыбу и тотчас снова схватила ее. Двое младших выдрят вернулись в истоптанное лапами гнездо, чтобы вылезти наружу через туннель у

корней, но они слишком растолстели и не могли сквозь него протиснуться. Возможно, Тарка пошел бы вместе с ними, но уж очень ему хотелось рыбы. Он не сводил с нее глаз, нос вдыхал ее запах, рот наполнился слюной. Выдренок пищал, «гирркал», шипел, все было напрасно: рыба не приходила. Выдриха плавала, лежа на спине, и звала его в воду.

Тарка внимательно смотрел на мать. Ему хотелось рыбы, но он боялся расцепить лапы. Рыба не приближалась, поэтому он плюхнулся вниз, в черную, трепещущую звездами заводь. Его сжало в ужасных холодных объятиях, он ничего не видел, не мог вздохнуть, но все же пытался идти вперед; его душило, давило, у него грохотало в ушах, все его зовы о помощи оставались втуне. Наконец мать подплыла под него, Тарка прижался хвостом и лапками к ее спине, и выдриха вынесла его к полоске камней, окаймляющей островок, где на мелководье колыхались закрытые белые цветы и зубчатые листья водяного лютика. Тарка чихнул, отфыркнулся и стряхнул воду с мордочки; он увидел звезды у себя над головой, ощутил на голове материнский язык.

После того как Тарка съел рыбу, его захватила новизна обстановки. Он играл с рыбьим хвостом, когда услышал свист, который так часто доносился в убежище с реки, и увидел зверя с широкой, плоской головой и длинными торчащими усами, который уже однажды маячил над ним. Тарка зашипел, потом зарычал и побежал к матери. Ляскнул зубами на обнюхивающий его нос. Самец перевернулся на спину и тро-

нул Тарку лапой, приглашая поиграть. Тарке тоже хотелось перекатиться на спину, но размеры незнакомца внушали ему благоговейный страх.

Часом позже все три выдренка благополучно наелись рыбой на камнях островка. Самке надоело заманивать остальных выдрят в воду, она вытащила их из дупла за шиворот и кинула в заводь.

Самая первая выдра, нырнувшая в воду, испытала, наверно, тот же страх, что испытал в ту ночь Тарка. Тысячи лет назад его предки были наземными животными; они охотились в лесах и по берегам рек, идя по следу зверьков и птиц, как все остальные члены семейства куньих. В долине Двух Рек это семейство насчитывало несколько родов. Самые крупные из них – барсуки – жили в норах, вырытых среди корней кустов и деревьев, и к воде подходили только напиться. С ними в родстве были горностаи, охотившиеся на кроликов и разорявшие птичьи гнезда, ласки, высасывавшие кровь у мышей, черные хорьки, так редко встречающиеся теперь в лесах, и куницы, настолько истребленные человеком, что в долине Двух Рек осталась лишь одна куница, нашедшая себе прибежище в самом глухом лесу, где никогда не ставили ловушек и не стреляли из ружей, где не вспугивали оленя и не травили лис. Она была очень стара, ее клыки стерлись до основания. Выдры знали пруды в Арлингтонском лесу и играли там днем, в то время как цапли мирно вышагивали по отмелям, и никто из них не боялся владелицы тех мест,

нередко сидевшей на берегу и глядевшей на диких тварей, которых она считала младшими братьями людей.

Давным-давно, когда в устье Двух Рек ревели лоси, выдры шли за угрем, мигрирующим осенью в море из прудов и болот. Они следовали за угрем на мелководье, и один старый самец так часто входил в воду, что однажды поплыл, а позднее, когда стало очень голодно, так часто опускал голову, чтобы схватить рыбу, что однажды нырнул. Другие выдры взяли с него пример. Между пальцами на лапах у выдр, как у собак и волков, была кожная перепонка; с каждым новым плавающим поколением пальцы растопыривались все больше, перепонка между ними становилась все шире, когти короче. Хвост, служивший в воде рулем, сделался длиннее, толще и мускулистей. Выдры превратились в подводных охотников.

Лось исчез, и кости его лежат под песком в угле, который тысячелетия назад был лесом. И все же этого времени оказалось мало, чтобы привычка охотиться в воде превратилась у выдр в инстинкт. Поэтому страх Тарки перед водой родился тогда же, когда родился сам Тарка, и ему пришлось побороть его, заменить слабый инстинкт привычкой, точно так же как, побуждаемые голодом, это сделали некогда его праотцы.

Когда следующей ночью Тарка вошел в воду и попробовал подойти к матери, вода удержала его. Выдренок так обрадовался, что решил самостоятельно переплыть реку, — он обнаружил, что легко может повернуть обратно, двигая заднюю

часть туловища и хвост. Очень довольный, Тарка поворачивал то в одну, то в другую сторону: на восток – к островку Плакучей ивы и поющей воде, на запад – к гнезду зимородка, Кумжевому камню ниже Протокового моста и к выдринной тропе через луг в большой излучине. Снова на север, затем на юго-запад, туда, откуда дули штормовые ветры. Вверх-вниз, назад-вперед, порой наглатываясь воды, порой втягивая ее через ноздри, чихая, кашляя, фыркая, но все время оставаясь на плаву. Он научился держать нос над стружкой, которая расходилась по обе стороны от его головы.

Плавая так в свое удовольствие, Тарка заметил луну. Она плясала прямо перед его глазами. Он и раньше видел луну, возле дуба, и даже пытался тронуть ее лапой. Сейчас он попытался ее укусить, но она уплыла от него. Тарка пустился за ней вдогонку. Луна изогнулась серебряной рыбкой и ушла к дальнему берегу, поросшему осокой, но когда он подплыл туда следом за ней, луна больше не извивалась. Она ждала его, она хотела с ним поиграть. Тарка слышал, как на другом берегу пищали сестры, но кинулся за луной по лугу. Он бежал среди лютиков и кукушкина цвета, среди сверкающих копий травы. Он бежал все дальше и дальше, лунный свет мерцал на его шубке. Сухая, она была каштаново-бурая, как пыльца на старых дождевиках, но сейчас вода прилизила шерсть.

Выдренок остановился, прислушиваясь к бляению ягнят; мимо пролетела ночная бабочка, пощекотав ему мордочку

крыльями. Пока он чесался, какая-то птица, то парящая, подобно ястребу, то трепещущая на одном месте, заглотала бабочку одним движением широкого, огромного рта и скрылась из виду. Тарка забыл про игру с луной. Он припал к земле среди трав, поднимающихся над головой, как лес: одни – похожие наверху на его хвост, другие – на его усы, и все – шелестящие под ветром. Козодой вернулся, хлопая крыльями с таким звуком, словно где-то с треском ломали сухие прутья. Тарка обрадовался, услышав зов матери, и запищал. Потом прислушался. Свист раздался ближе, и Тарка побежал по сырой траве ей навстречу. Выдренок не знал, как напугана была мать, не знал он и того, что каких-нибудь пятьдесят взмахов отделяют от него птицу с большими глазами и размахом крыльев в целый ярд. Козодой уже увидел птицу, потому он и хлопал крыльями, предупреждая об опасности свою подругу, которая сидела на яйцах среди папоротника в лесу.

Козодой сделал круг и спланировал в сторону. Тарка мчался со всех ног. Большая птица с двумя пучками перьев на голове падала камнем, расставив когтистые лапы, чтобы удобнее было схватить добычу. Выдриха заметила это и понеслась вперед так быстро, что травы смыкались позади нее с шумом, похожим на шум вихря, провозвестника юго-западного урагана. Птица – болотная сова – думала, что Тарка – крольчонок, и на секунду повисла в воздухе, примериваясь, достаточно ли он мал, чтобы напасть на него. Ей пона-

добилось на раздумья всего шесть взмахов; с пронзительным криком, чтобы устроить и покорить свою жертву, она ринулась вниз. Но Тарка вышел из семьи, еще более яростной и скорой в движениях. Шипя от злости, он прыгнул и укусил атаковавшую его сову. Одна ее лапа схватила Тарку за спину, пропоров когтями шкурку; второй лапой сова вцепилась в траву. Щелкая клювом, она повернулась, чтобы долбануть выдренка в затылок, но тут удар, нанесенный выдрихой, сорвал половину перьев с ее груди. Выдра наступила на птицу, укусила ее раз, другой, третий, и сове был конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.